

Глава 3

Повозка остановилась у боковых ворот резиденции вице-министра. Высокая каменная стена плотным кольцом окружала внутренний двор.

Шэнь Цинхэ постучал. Дверь тут же открыл молодой слуга. Увидев гостя, он побледнел и бросился было бежать внутрь, но Шэнь Цинхэ ловко схватил его за руку.

— Сначала расплатись с возницей, — он указал на ожидавшего снаружи извозчика.

Внутренние покои резиденции. Во главе зала сидели хозяин и хозяйка дома, по обе стороны от них расположились четверо братьев и сестёр. Шэнь Цинхэ стоял посередине, под перекрёстным огнём их взглядов, чувствуя себя как на допросе.

Забавно, подумал он. В Небесной темнице его не пытали, император, хоть и был полон скрытых намёков, внешне обошёлся с ним милостиво, а дома его встретили, как стая волков.

Шэнь Цинхэ огляделся. В кресле с резной спинкой сидел его отец, вице-министр ритуалов Шэнь Чжао, а рядом — его мачеха, госпожа Цинь.

Старшая сестра была замужем. Слева сидели его старший и младший братья, справа — две младшие сестры. Шэнь Чжао был женат трижды. Его первая жена, родив дочь и сына, скончалась. Только он, Шэнь Цинхэ, был сыном второй жены. Трое младших детей были от нынешней госпожи Цинь, не считая ещё нескольких побочных отпрысков. Семья была поистине многочисленной.

Все они поддерживали друг друга, и лишь он был один, без всякой опоры. К тому же, среди сыновей его старший брат давно сдал экзамены, добился известности и носил чиновничью шапку, а младший брат с детства отличался умом и сообразительностью. Только он, средний сын, застрял где-то посередине, не достигнув ни высот, ни глубин.

«Понятно, — подумал Шэнь Цинхэ. — Семья меня просто игнорировала. Неудивительно, что я искал утешения в компании собутыльников и покупал себе должности».

Шэнь Чжао, видя, что этот нечестивый отпрыск беззаботно озирается по сторонам, вспыхнул от гнева.

— Как в нашей благородной семье мог родиться такой позор для предков! — прогремел он. — Подать сюда семейные розги!

Принесли розги — палку из чёрного эбенового дерева длиной в семь цуней и толщиной в палец. Один её вид обещал нестерпимую боль.

Только когда грозное орудие наказания оказалось в зале, госпожа Цинь произнесла:

— Супруг, гнев вредит здоровью.

— Отец, успокойся, — добавил старший сын, Шэнь Цинфэн.

Шэнь Чжао, высокий, с орлиным носом, глазами феникса и красивой бородой, был и в среднем возрасте весьма представительным мужчиной. Его дети тоже были один краше другого. Он никак не мог понять, откуда в их роду взялся этот Шэнь Цинхэ — красивый, но совершенно

пустой внутри.

— Протяни руку! — в отчаянии воскликнул он.

Шэнь Цинхэ послушно протянул руку. Шэнь Чжао замахнулся, но, увидев кольцо на его пальце, замер.

— Ах ты! Даже в темнице умудрился обвешаться золотом и нефритом!

— Отец, вы приглядитесь повнимательнее, — сказал Шэнь Цинхэ.

Шэнь Чжао нахмурился. Остальные тоже обратили внимание на кольцо. Оно было сделано из превосходного белого нефрита, украшено гравировкой с изображением сосны и оленя, а на внутренней стороне виднелись иероглифы «Долголетия и счастья»!

Это было кольцо, принадлежавшее императору!

— Ты... откуда у тебя эта вещь?! — выдохнул Шэнь Чжао.

Шэнь Цинхэ вскинул голову, с удовольствием наблюдая за их реакцией.

— Конечно же, от Его Величества. Он сказал, что меня несправедливо обвинили, назвал мою службу великой, а меня — незаурядным талантом.

Все застыли в изумлении. Даже невозмутимая госпожа Цинь вздрогнула так, что её фарфоровая чашка издала тихий звон. Братья и сёстры уставились на него. Что за шутки?

Шэнь Цинхэ? Незаурядный талант?

Шэнь Чжао, разумеется, не поверил. Уж он-то знал, чего стоит его сын.

— Его Величество, чьё слово — закон, осыпал меня похвалами, — невинным тоном продолжил Шэнь Цинхэ. — А отец, едва я вернулся, встречает меня бранью и розгами. Чем же я так прогневал вас, что заслужил такое наказание? Моё сердце разбито.

— Ты...

Не успел он закончить, как в зал вбежал слуга. Увидев господина, застывшего с розгами над вторым сыном, он на мгновение растерялся, но всё же доложил:

— Господин, свершилось! Наш молодой господин сдал!

Шэнь Чжао не сразу понял:

— Что сдал?

Слуга, видя на лицах лишь изумление вместо радости, растерянно повторил:

— Второй молодой господин получил степень!

Шэнь Цинхэ и сам удивился. Не ожидал от императора такой щедрости. Он быстро совладал с собой и махнул рукой:

— Подумаешь, большое дело! Сдал экзамен на цзиньши, не так уж это и сложно. Чего вы так

удивляетесь? Неужели кто-то не смог?

У всех присутствующих были смешанные чувства. Они смотрели на Шэнь Цинхэ совершенно другими глазами.

Шэнь Чжао застыл с розгой в руке, не зная, опустить её или нет. Он кашлянул пару раз, велел слуге убрать оружие наказания и, заложив руку за спину, погладил бороду.

— Не возгордись.

Обстановка стала неловкой. Шэнь Цинхэ, считая себя человеком добрым, решил разрядить напряжение:

— Если честно, мне даже немного стыдно. Я всегда знал, что я умён. Если бы я хоть изредка заглядывал в книги, то, может, и чжуаньюанем бы стал, шутки ради. Отец, получение степени ведь не считается позором для предков?

— ...

— Ха-ха, шучу! У наших предков большое сердце, они наверняка не обидятся. Просто я последние дни плохо ел и не высыпался, вот и осунулся, — с улыбкой добавил он.

Шэнь Цинхэ с важным видом покинул главный зал. Едва переступив порог, он увидел ожидавшего его Люйсуну.

При виде хозяина глаза юноши снова покраснели.

— Ну-ну, — остановил его Шэнь Цинхэ. — Твой господин получил степень, а ты и не рад. Плакса.

— Я рад, конечно! Это слёзы радости, — Люйсун от такой шутки не знал, плакать ему или смеяться.

Они вернулись во внутренний двор. Наньхун, уже получивший известие, приготовил ванну с ароматными травами и поставил у входа жаровню с углями, чтобы изгнать из господина тюремную скверну.

Освежившись после омовения, Шэнь Цинхэ увидел стол, уставленный изысканными блюдами. Он подозвал своих двух слуг и усадил их есть вместе с собой. Он и раньше был добр к Люйсуну и Наньхуну, и они отвечали ему преданностью.

После сытного обеда Шэнь Цинхэ перешёл к делу и велел принести все его личные документы на собственность.

Стол покрылся стопками купчих на земли и лавки. Шэнь Цинхэ присвистнул. А он и вправду был настоящим богачом!

Наньхун, подумав, что господин удивлён, как мало всего осталось, вздохнул:

— Изначально было больше, господин. Но последние годы вы так часто устраивали пиры и скачки, что деньги утекали рекой. Осталась... едва ли половина.

Дед «оригинала» по материнской линии был известным купцом на юге, и всё это богатство было приданым его покойной матери.

Шэнь Цинхэ смотрел на эти документы, как на гору золота. После долгой и мучительной внутренней борьбы он вздохнул.

— Что ж, деньги нужно не только зарабатывать, но и тратить. А мне, видно, на роду написано трудиться.

Он выбрал из стопки документов купчую на усадьбу с тремя внутренними дворами, взял бумагу и тушь и принялся что-то чертить.

— Другим я не доверяю, — сказал он, обращаясь к слугам. — Поручаю это дело вам. Найдите хороших мастеров и перестройте этот двор согласно этому чертежу.

Люйсун и Наньхун взяли довольно абстрактный рисунок и растерянно переглянулись. Хотя они и не понимали, что на этот раз задумал господин, но послушно отправились на поиски мастеров.

Оставшись один, Шэнь Цинхэ прилёг на кушетку у окна. Весеннее солнце заливало его лицо, заставляя щуриться.

Внезапно раздался звук системного уведомления.

[«Императорской кистью начертаны имена, милость государя позволила предстать перед тронем». Поздравляем носителя с завершением первого этапа задания: «Золотой список»!]

[Активирован второй этап основного задания: «Проба сил». «За судьбу Поднебесной в ответе каждый». Носителю надлежит продвинуться по карьерной лестнице и проявить себя на государственной службе!]

Шэнь Цинхэ лёгким движением ноги захлопнул створку окна.

— Система, дела плохи.

[Система: ? Что не так?]

— Я-то думал, что попал в другой мир, чтобы наконец-то уйти на покой и наслаждаться жизнью, — сказал Шэнь Цинхэ, подложив руки под голову. — А оказалось, что и здесь нельзя ни на кого положиться. Император Чжаохуань собирается расправиться с аристократией. Мой отец служит в Министерстве ритуалов, которое отвечает за экзамены, и при этом считает себя приверженцем «Чистого учения». Чем не живая мишень?

— Если у меня не будет козыря в рукаве, то вместо пенсии меня ждёт вторая ходка в тюрьму.

[Система: Это просто! С моими тысячелетними знаниями мы проложим себе путь на вершину власти!]

— Нет, нет, я уже стар для этой гонки, — хитро улыбнулся Шэнь Цинхэ. — В каждом поколении находятся свои таланты, готовые грызть гранит науки. Твои книги — это целое море знаний. Не слишком ли эгоистично держать их только для себя? Радость, разделённая с другими, — двойная радость.

Шэнь Цинхэ сменил тему.

— Не хочешь поучаствовать в одном большом деле?

Шэнь Цинхэ никогда в жизни, ни в этой, ни в прошлой, так не бездельничал. Он получил степень, был отмечен императором, и даже госпожа Цинь в последнее время стала уделять ему больше внимания. Только отец, похоже, и впрямь поверил, что его вечно непутёвый сын — скрытый гений. Он то и дело присылал ему лучшую бумагу, книги, кисти и тушь, пытаясь наставить на путь истинный, но в итоге лишь в очередной раз приходил в ярость от его безразличия.

Месяц пролетел в праздности. Перестройка усадьбы подходила к концу. Шэнь Цинхэ несколько раз наведывался туда, и, вдохновившись, собственноручно начертал четыре больших иероглифа: «Академия Цинбэй».

— Господин, эти ваши иероглифы... — начал было Люйсун.

— Вижу, у тебя есть вкус, — Шэнь Цинхэ показал ему большой палец. — Уже по названию чувствуется, что у этого места большое будущее, не так ли?

Довольный собой, он, под красноречивым взглядом Люйсунa, велел сделать вывеску и повесить её на самом видном месте, чтобы было заметно за целую улицу.

Затем он набросал текст объявления, велел Наньхуну сделать несколько сотен копий и разослать слуг раздавать их учёным, что толпились у ворот знатных домов. Каждый должен был получить по экземпляру.

Наньхун, происходивший из семьи учёных, посмотрел на корявые иероглифы господина, аккуратно переписал текст и только потом отдал его для копирования.

На следующий день у ворот знатных домов, где выстроилась длинная очередь из книжников, им в руки попало странное послание.

[ПРИЁМНАЯ КОМИССИЯ:

В сердце столицы, академия мечты,

С видом на воду, в роскоши и чести.

Пейзажи как с картин, для учёбы — рай,

Лучшие наставники, мудрость через край.

Колыбель для чжуаньюаней, кузница для министров,

Мы задаём тренды, мы готовим лидеров.

* Академия Цинбэй ждёт вас!

(Специальное предложение: «Экзаменационный люкс». Количество мест ограничено. Кто первый, тот и успел.)

Адрес: Академия Цинбэй, в конце переулкa Сацзинь.]

Учёные тут же принялись обсуждать новость.

— Академия Цинбэй? Это как-то связано с академией Шанцин клана Юэ?

— Не знаю, никогда о такой не слышал.

— Приёмная комиссия? Они что, набирают учеников?

В стране после смуты государственные школы пришли в упадок, зато частные процветали. Но эти частные школы были, по сути, элитными заведениями для аристократии. Плата за обучение была непомерно высокой, а принимали туда в первую очередь по происхождению. Простолюдину попасть туда было невозможно.

Почему же все так стремились в эти академии? Потому что великие кланы за сотни лет своего существования накопили несметное количество трудов знаменитых учёных. Обычные люди могли достать лишь обрывки знаний, доступные на рынке. Именно поэтому кланы «Пяти Семей и Семи Родов» с таким высокомерием взирали на остальных.

И вот теперь какая-то «Академия Цинбэй» приглашает к себе бедных учёных. Это было нечто неслыханное.

Тут же нашлись те, кто, сговорившись, отправился в переулок Сацзинь. Улица Лоцзинь вмиг опустела.

Но когда они добрались до места, их ждало разочарование. На позолоченной вывеске четыре иероглифа «Академия Цинбэй» были выведены так коряво, будто их нацарапал ребёнок. Ладно бы академия располагалась в уединённом месте, в горах или бамбуковой роще, как Шанцин или Цзиньшань, но эта стояла прямо посреди шумного города.

«Академия мечты» — это про этот пыльный двор? «Вид на воду» — это про этот заросший тиной пруд? А про «пейзажи как с картин» и говорить нечего. У всех было чувство, что их обманули.

Из галереи неспешно вышел Шэнь Цинхэ. Он был одет в дымчато-голубой халат, его чёрные как смоль волосы были перехвачены на затылке, а в руке он держал складной веер. Его спокойный и уверенный вид разительно контрастировал с усталыми и растерянными лицами пришедших.

— Приветствую, господа, — вежливо поздоровался он, предвидя их реакцию. — Академия только открылась, условия пока скромные. Из наставников пока только я один. Кто хочет попробовать — оставайтесь. Кто не доверяет — можете уходить.

Увидев, что перед ними стоит какой-то молодой аристократ, возможно, даже младше некоторых из них, многие решили, что это просто чья-то злая шутка. Кто-то, посчитав себя оскорблённым, тут же развернулся и ушёл, бросив на прощание: «С юнцом не о чем говорить!» Лучше потратить это время на то, чтобы добиться расположения настоящего учёного мужа!

За одним последовал другой, и вскоре толпа поредела. Осталось всего семь человек. Их одежда была в заплатках, обувь — стоптана. Похоже, это были самые бедные из бедных.

Шэнь Цинхэ молчал, никого не удерживая. Когда он увидел, что эти семеро твёрдо решили остаться, он улыбнулся.

— Все презирают меня, не зная, что тот, кто слишком уверен в своих силах, неизбежно становится самодовольным, а самодовольный — ни на что не способен.

Он элегантно взмахнул веером и обратился к оставшимся:

— Следуйте за мной. Тридцать лет на восточном берегу, тридцать лет на западном. Ваше время ещё придёт.

<http://bllate.org/book/13438/1196497>